

ХЕЙЛИ КЭМПБЕЛЛ

О ДИВНЫЙ
ТЛЕННЫЙ
МИР

КОГДА СМЕРТЬ — ДЕЛО ЖИЗНИ

МИО

ПЕРЕВОД ВАСИЛИЯ ГОРОХОВА

МИФ Культура

Хейли Кэмпбелл

**О дивный тленный мир.
Когда смерть – дело жизни**

«Манн, Иванов и Фербер»

2022

УДК 159.99
ББК 88.283.12

Кэмпбелл Х.

О дивный тленный мир. Когда смерть – дело жизни /
Х. Кэмпбелл — «Манн, Иванов и Фербер», 2022 — (МИФ
Культура)

ISBN 978-5-00-195916-8

Книга о том, почему кто-то выбирает жизнь, в которой ежедневно присутствуют мертвые? И есть ли противоядие от страха смерти? Хэйли Кэмпбелл три года ездила по миру, чтобы пообщаться с людьми, чьи профессии связаны со смертью: с патологоанатомами, гробовщиками, агентами, распорядителями похорон, бальзамировщиками, студентами и старыми могильщиками, уже выкопавшими себе могилы. Она выгребала кости и пепел с работником крематория, одевала мертвеца, проводила вскрытие мозга, посещала центр крионики в Мичигане и работала с детективом по расследованию убийств. Зачем? Чтобы написать о феномене смерти и ответить на волнующие многих вопросы, которые неудобно задавать. Продолжение темы книги «Съест ли меня моя кошка?» и рекомендация ее автора Кейтлин Даути. Перевод с английского Василия Горохова. Научный консультант – Сергей Шигеев, д. м. н., профессор, главный специалист по судебно-медицинской экспертизе Москвы и ЦФО РФ. От автора Смерть, а также те, кто сделал работу с умершими своей профессией, начали увлекать меня много лет назад, и этот интерес нитью проходит сквозь мою жизнь. Они ежедневно смотрят в лицо той правде, которую я могла лишь вообразить. Чудовище, которое прячется в соседнем вентиляционном люке, и про которое не говорят ничего существенно и конкретного, всегда кажется особенно жутким, поэтому я решила узнать, как выглядит обыденная человеческая – не птичья и не кошачья – смерть не на фотографиях и не в кино. Но чем больше я беседовала, тем больше вопросов задавали мне самой. Что ты хочешь найти здесь, где тебе быть необязательно? Зачем терзать саму себя этой темой? Я считала себя неуязвимой. Это оказалось не так. Я была права: мне действительно чего-то не хватало. Однако я наивно недооценивала глубину

раны и степень влияния нашего отношения к смерти на повседневность – то, насколько оно мешает не только понимать, но и скорбеть в момент, когда все рушится. Я увидела наконец реальность смерти и почти не могу выразить словами, насколько это меня преобразило. Но там, во тьме, я нашла нечто большее. Это как часы аквалангиста и звезды на потолке детской комнаты: свечение становится заметно в темноте. Для кого эта книга Для тех, кто хочет узнать о смерти, как она выглядит и как ее принять. Для всех, кому страшно интересно. На русском языке публикуется впервые.

УДК 159.99

ББК 88.283.12

ISBN 978-5-00-195916-8

© Кэмпбелл Х., 2022

© Манн, Иванов и Фербер, 2022

Содержание

От автора	8
Предисловие	9
Грань между жизнью и смертью. Похоронный агент	14
Дар. Директор патологоанатомической службы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Хейли Кэмпбелл

О дивный тленный мир.

Когда смерть – дело жизни

Original title:

All the Living and the Dead

Благодарим за научную консультацию Сергея Шигеева, д. м. н., профессора, главного специалиста по судебно-медицинской экспертизе Москвы и ЦФО РФ

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© 2022 by Hayley Campbell This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Жизнь трагична просто потому, что земля вращается, солнце неизменно встает и заходит и когда-нибудь для каждого из нас зайдет в последний, самый последний раз. Наверное, корень человеческих бед в том, что мы готовы принести в жертву всю красоту нашей жизни, отдать себя в рабство тотемам, табу, крестам, кровавым жертвоприношениям, ипилям, мечетям, гонкам, армиям, флагам, нациям, чтобы только не признавать факт существования смерти – единственный факт, который у нас есть.
Джеймс Болдуин. The Fire Next Time¹

---

¹ Baldwin J. The Fire Next Time. Penguin, 2017. С. 79.

От автора

Я изменила некоторые подробности, чтобы защитить личные данные умерших. Живых я описала такими, какими их помню.

Предисловие

Человек не рождается с осознанием того, что ему суждено умереть. Эту новость кто-то должен сообщить. Я спрашивала папу о том, он ли мне об этом рассказал, но он уже забыл.

Некоторые помнят, как узнали о смерти, и способны точно назвать момент, разделивший их жизнь на «до» и «после». Они помнят тот звук, когда птица ударилась об оконное стекло, сломала себе шею и упала. Они помнят разговор об этом событии. Они помнят, как обмякшее пернатое тельце убирали с патио и закапывали в саду, а в пыли еще некоторое время после этих похорон оставался отпечаток крыльев. Смерть может явиться нам, забрав золотую рыбку, бабушку или дедушку. Может быть, вы постигли этот факт – настолько, насколько вы тогда могли и насколько вам это было нужно, – в то мгновение, когда плавающие исчезли в водовороте унитаза.

Лично у меня не было такого момента. Я не помню времени, когда смерть не существовала. Она просто была, везде и всегда.

Возможно, все началось с пяти убитых женщин. Мой папа, Эдди Кэмпбелл, рисует комиксы². Когда мне не было и десяти, он начал работать над графическим романом *From Hell* («Из ада») Алана Мура. Он был о Джеке-потрошителе, и все ужасы и жестокости были показаны на иллюстрациях колючими черно-белыми штрихами. Джек-потрошитель тогда вошел в нашу жизнь до такой степени, что моя младшая сестренка надевала к завтраку цилиндр, а я стояла на цыпочках и разглядывала фотографии с мест преступления, приколотые к папиной чертежной доске, когда пыталась упротить его разрешить то, что мама запретила. Там-то они и были, те выпотрошенные женщины с вырванной из лиц и бедер плотью, а рядом с ними – откровенные снимки вскрытых трупов с обвисшими грудями и животами, стянутых от шеи до паха швом, как мячи для регби. Я помню, что смотрела на все это и испытывала не шок, а какое-то завораживающее чувство. Мне было любопытно, что же там произошло, мне хотелось увидеть еще больше. Было обидно, что фотографии нечеткие и к тому же черно-белые. Изображенное на них было бесконечно далеко от всего того, что я тогда знала о жизни, настолько непохоже, что не могло испугать. Мне, жительнице тропического австралийского Брисбена, это было так же чуждо, как туманные лондонские улицы, по которым ходили те люди. Сейчас я смотрю на эти фотографии другими глазами: я вижу насилие, борьбу, женоненавистничество, загубленные жизни... Но в те годы у меня просто не было эмоционального языка, чтобы постичь нечто настолько ужасное. Это было выше моего понимания, однако именно тогда ударила в стекло птица, которую я до сих пор снимаю с патио и рассматриваю на свету.

В семь лет я уже во многом напоминала себя сегодняшнюю – журналистку. Чтобы как следует во всем разобраться, я делала фломастером зарисовки: садилась рядом с папой за перевернутую коробку, которую называла письменным столом, и подражала ему. Я создавала энциклопедию внезапной смерти: двадцать четыре страницы со способами убить человека, по кусочкам собранные из увиденного в кино, по телевизору, в новостях и на папиных иллюстрациях.

Героев моих картинок рубили во сне мачете и резали ножом в лесу во время автостопа, их варили живьем ведьмы, хоронили заживо, вешали на растерзание птицам. Был рисунок черепа с пояснительной подписью: «Когда тебе отрубили голову и у тебя гниет кожа, ты выглядишь вот так». Для одной сцены комикса папа в качестве модели купил у мясника почки и выложил их на платке в гостиной. Они гнили в тепле, а мы вместе рисовали. Правда, моя иллюстрация была честнее: там была туча слетевшихся мух. Папа хранил все мои рисунки в отдельной папке и с гордостью их демонстрировал, приводя в ужас гостей.

---

² Moore A., Campbell E. *From Hell*. Top Shelf Productions. San Diego, 1989, 1999.

Смерть была не только дома. Мы жили тогда на улице с оживленным движением, поэтому кошкам – знакомым и незнакомым – часто не везло. Мы доставали из водостока окоченевшие трупы, держа их за хвост как сковородки, и на рассвете устраивали тихие маленькие похороны. Летом мне регулярно приходилось менять маршрут по дороге в школу, когда по пути оказываласьдохлая птица. Обычно это были сороки. В более прохладном климате на такое событие никто не обратил бы никакого внимания, однако под палящим австралийским солнцем разложение происходило так стремительно, что целая улица могла стать непроходимой из-за вони. Директор советовал обходить такие места стороной, пока не выветрится запах смерти, но я всегда выбирала именно запрещенный путь в надежде увидеть зловонную птицу, посмотреть ей «в лицо».

Сцены смерти были для меня настолько обычным делом, что я часто без лишних раздумий выполняла домашнюю работу на обороте ксерокопий с папиными иллюстрациями, которые он выбрасывал в корзину для бумаг. «Это мертвая проститутка, – пояснила я однажды учительнице, которая, потеряв дар речи, глядела на отвратительный труп в луже крови. – Это просто такие рисунки». Смерть казалась мне чем-то естественным и частым. При этом мне постоянно твердили, что в ней есть что-то плохое и тайное, что я как будто перехожу какие-то границы. «Это совершенно неприемлемо», – заявила учительница по телефону моим родителям после того случая.

Я училась в католической школе. Священником у нас работал невнятно говорящий ирландец по фамилии Пауэр. Он казался мне тогда до невозможности старым, хотя периодически можно было увидеть, как он прямо в сутане энергично прыгает в мусорном контейнере, пытаясь утрамбовать его содержимое перед приездом мусоровоза. Раз в неделю отец Пауэр водил нас в церковь для откровенного разговора. Он вытаскивал стул, ставил его где-то в районе алтаря и, махнув рукой в сторону витражей, излагал историю о том, как Иисус несет свой крест на место собственной казни – на этом же кресте. Однажды после обеда он показал на красный огонек по левую сторону от алтаря и объяснил, что, если он светится, Господь дома, ведь это Он дает свет. Я подняла глаза на красную лампаду в красивой латунной оправе и спросила о том, зачем – раз свет исходит от Бога – нужен провод, идущий по стене и цепи. Последовал удар, затем священник откашлялся, сказал нечто вроде «Хватит вопросов» и сменил тему. Меня с тех пор он стал считать проблемой и навсегда отстранил от участия в той части мессы, где присутствуют хлеб и вино. Он даже провел беседу с родителями – папкой гордился, а маме было очень неловко.

Меня тогда смутило, что священник попытался выдать обычный электрический прибор за что-то волшебное и потустороннее, и я начала с подозрением относиться к организованной религии. Она стала казаться мне чем-то вроде уклонения от ответа, мнимой панацеей, ложью в красивой обертке. Перспектива попасть на небеса была чем-то слишком легким, как турпоездка в награду за хорошее поведение. Мне предстояло еще десять с лишним лет католического образования, но над всеми ответами, которые давала религия, предупреждающим огнем горела та красная лампочка.

Первым настоящим умершим в моей жизни стала подруга Харриет, которая утонула, пытаясь спасти свою собаку из вышедшего из берегов ручья. Нам тогда было двенадцать. Я почти не помню ее похорон: ни надгробных речей, ни пришедших учителей, ни того, плакал кто-то или нет. Я не помню, привели ли черную лабрадориху Белль – она выжила – и если да, то куда ее посадили. Я помню только, что сидела на церковной лавке, глядя на закрытый белый гроб, и очень хотела заглянуть внутрь. Любой фокусник знает, что закрытая коробка – лучший способ поддерживать аудиторию в напряжении. Поэтому я просто смотрела. Буквально в паре метров от меня лежит моя подруга, но ее от меня прячут. Все это было до отчаяния трудно понять: вот человек есть, потом его нет, но нет и никаких осязаемых подтверждений. Мне хотелось на нее посмотреть. Я чувствовала, что мне не хватает не только Харриет, но и еще

чего-то. Было такое ощущение, как будто от меня что-то скрывают. Желание увидеть, желание знать факты и неспособность удовлетворить эти желания никак не давали мне скорбеть. Она там сейчас выглядит как раньше или уже изменилась? Она пахнет как те сороки?

Смерть меня не пугала, а пленяла. Мне было любопытно, что происходит с кошками, которых мы закопали. Мне было интересно, почему дохлые птицы плохо пахнут и какая сила заставляет их падать с деревьев. У меня имелись книги с массой скелетов – людей, животных, динозавров, – и я ощупывала себя, пытаюсь изобразить собственный, спрятанный под кожей скелет. Дома на мои вопросы отвечали неуклюже, зато честно. Меня хвалили за рисунки, втолковывали – для этого потребовались не одни печальные кошачьи похороны, – что смерть неизбежна, а выглядит она неприятно, пусть и не всегда. А в школе мне тем временем советовали отворачиваться от этой темы – от птиц, от рисунков, от моей умершей подруги – и предлагали иной образ смерти. В классных комнатах и в церкви твердили, что смерть – это не навсегда. Я видела больше правды в фотографиях жертв Джека-потрошителя: никто не утверждал, что они вернулись к жизни. Школа же возражала, что Иисус воскрес из мертвых и когда-нибудь вернется снова. Мне навязывали готовые понятийные рамки вместо тех, которые я уже начала по кусочкам складывать на основе своего опыта. Меня учили, что смерть – это табу, что ее надо бояться, и при этом не хотели отвечать на вопросы и не желали реагировать на то, что мне казалось обычным фактом.

Мы окружены смертью. Она присутствует в новостях, романах, видеоиграх, она есть в наших комиксах про супергероев, хотя там ее по прихоти авторов могут отменять хоть каждый месяц. Она в мелких документальных подробностях описана в подкастах о преступлениях, которыми переполнен интернет. Она упоминается в детских стихах, в музеях, в фильмах об убитых красавицах. При этом видео сейчас редактируют, отрезанную голову журналиста замыливают, слова старых песен «обезвреживают» для современной молодежи. Нам рассказывают, что кто-то сгорел заживо у себя в квартире, что самолет исчез в океане, что грузовик врезался в пешеходов, но нам сложно это постичь. Реальное сплетается с воображаемым и превращается в фоновый шум. Смерть повсюду, но она либо прикрыта вуалью, либо выдумана. Трупы исчезают, как в компьютерной игре.

А ведь с трупом что-то происходит. Даже в детстве, сидя в церкви перед тем белым гробом, я понимала, что кто-то вытащил мою подругу из воды, высушил, принес ее сюда. Там, где ей не могли помочь мы, о ней позаботились другие.

Ежечасно в мире умирает в среднем 6324 человека. Это дает 151 776 смертей в день и около 55,4 миллиона смертей в год³. Каждые шесть месяцев с планеты исчезает больше людей, чем живет во всей Австралии. В западных странах за смертью обычно следует телефонный звонок, потом приходят люди с тележкой и отвозят тело в морг. Если это требуется, вызовут и уборщика, который приведет в порядок место смерти. Бывает, что труп тихо разлагается до тех пор, пока не начинают жаловаться соседи. На матрасе в таких случаях остается контур – след существования, как отпечаток погибших жителей Помпеев. Если у умершего нет близких, кому-то заплатят за очистку квартиры от вещей, которые когда-то служили человеку и скрашивали его одиночество: ботинок, выписанных журналов на коврике, стопок так и не прочитанных книг, еды в холодильнике, пережившей своего владельца. Что-то уйдет с аукциона, что-то отправится на свалку. Бальзамировщик в похоронном бюро может постараться сделать труп больше похожим на спящего, а не на покойника. Все эти люди занимаются тем, на что мы не можем даже смотреть – или, по крайней мере, так считаем. Для нас это конец света, для них – рутина.

---

³ Всемирная организация здравоохранения. The Top 10 Causes of Death. 9 декабря 2020 года. URL: [who.int/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death](https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death).

Большинство из нас никак не соприкасается с теми, кто занимается этим важным делом. Их держат на расстоянии, скрывают, как и саму смерть. В новостях нам рассказывают про убийства, но никогда – о тех, кому приходится выводить следы крови, которая залила ковер и обрызгала стены струей из артерии. Мы проезжаем мимо разбившихся машин, но не знаем о тех, кто будет собирать по кюветам ошметки выброшенных при столкновении тел. Мы горюем по нашим кумирам в соцсетях, но не думаем о тех, кто снимал их с дверной ручки, на которой они повесились. Это неизвестные, невоспетые и незнаменитые люди.

Смерть, а также те, кто сделал работу с умершими своей профессией, начали увлекать меня много лет назад, и этот интерес нитью проходит сквозь мою жизнь. Они ежедневно смотрят в лицо той правде, которую я могла лишь вообразить. Чудовище, которое прячется в соседнем вентиляционном люке и про которое не говорят ничего существенного и конкретного, всегда кажется особенно жутким, поэтому я решила узнать, как выглядит обыденная человеческая – не птичья и не кошачья – смерть не на фотографиях и не в кино.

Если мы с вами не сходимся в этом отношении, у вас, наверное, найдется похожий на меня знакомый. Он потащит вас гулять по старому, поросшему плющом кладбищу и будет рассказывать, что *вот тут* лежит женщина, которая встала слишком близко к огню, и у нее вспыхнуло платье. Он будет пытаться заманить вас в анатомический музей, где хранятся побелевшие, выцветшие от времени фрагменты давно умерших людей. Вы будете смотреть на них, а их глаза, если найти нужную банку, будут глядеть на вас. Может быть, вы будете недоумевать, что его во всем этом притягивает, а он – как Элви Сингер из фильма «Энни Холл» Вуди Аллена, пытающийся всучить экземпляр «Отрицания смерти» (The Denial of Death) Эрнеста Беккера, – будет удивляться, как это может кого-то не занимать. Я убеждена, что интерес к смерти – это не признак того, что у человека нездоровые увлечения. Она как ничто другое притягивает к себе нашу психику. Беккер считал, кстати, что смерть одновременно ставит точку и толкает мир вперед⁴.

Когда хочется найти ответ, многие идут в церковь, к психотерапевту, в горы, в открытое море. Но я – журналист, а когда твоя работа заключается в том, чтобы задавать вопросы, приходишь к убеждению – или хотя бы надежде, – что ответ тебе дадут другие люди. Поэтому у меня созрел план: найти тех, кто каждый день работает со смертью, и попросить их показать, что и как они делают. Это позволит мне не только познакомиться с механикой этой отрасли, но и узнать, какую роль играет в их деятельности наше отношение к смерти, какой фундамент оно для них создает. На западе эта индустрия основана на представлении, что с ней нельзя или не следует соприкасаться посторонним. Мы передаем это бремя на аутсорсинг, потому что для нас самих оно слишком велико. А как с этими переживаниями справляются специалисты? Ведь они такие же люди. Нет их и нас – есть просто мы.

Я хотела выяснить: не обманываем ли мы себя таким отношением и не лишаем ли какого-то важнейшего человеческого знания? Может быть, это искусственное отрицание на границе невинности и невежества подпитывает неоправданные страхи? Может быть, противоядие от страха смерти – в точном понимании того, что происходит? Может быть, надо это *увидеть*? Я хотела получить «необезвреженный», лишенный романтики и поэзии образ смерти. Я хотела узнать голую, банальную реальность события, которое неизбежно произойдет с каждым из нас. Мне не нужны были эвфемизмы и добряки, предлагающие побеседовать о горе за чашкой чая с пирожным. Я хотела добраться до самого корня и вырастить из него что-то свое. «Откуда ты знаешь, что боишься именно смерти? – писал Дон Делилло в романе “Белый шум” (White Noise). – Смерть – штука слишком неопределенная. Никто не знает, что такое смерть, на что она похожа, с чем ее можно сравнить. Может, у тебя просто личная проблема, и ты прида-

---

⁴ Becker E. The Denial of Death. New York: The Free Press, 1973.

ешь ей огромное, мировое значение»⁵. Я хотела сжать смерть до такого размера, который мне по силам, с которым я смогу что-то сделать. Мне хотелось, чтобы она стала по плечу человеку.

Но чем больше я беседовала, тем больше вопросов задавали мне самой. Что ты хочешь найти здесь, где тебе быть необязательно? Зачем терзать саму себя этой темой?

Когда работаешь журналистом, появляется ложное чувство защищенности – уверенность, что можно посетить место события, не погружаясь в него. Передавать информацию, оставаясь сторонним наблюдателем. Я считала себя неуязвимой. Это оказалось не так. Я была права: мне действительно чего-то не хватало. Однако я наивно недооценивала глубину раны и степень влияния нашего отношения к смерти на повседневность – то, насколько оно мешает не только понимать, но и скорбеть в момент, когда все рушится. Я увидела наконец реальность смерти и почти не могу выразить словами, насколько это меня преобразило. Но там, во тьме, я нашла нечто большее. Это как часы аквалангиста и звезды на потолке детской комнаты: свечение становится заметно в темноте.

---

⁵ DeLillo D. White Noise. New York: Penguin, 2009. С. 187. Приведено с разрешения лицензиара Pan Macmillan, полученного посредством PLSclear (Великобритания), а также с разрешения Penguin Random House LLC (США).

Грань между жизнью и смертью. Похоронный агент

«Плохо, когда первый умерший, которого ты видишь в своей жизни, – твой близкий».

Нас около пятидесяти в большом помещении Университетского колледжа Лондона. Мы справляем «поминки» в честь 270-й годовщины со дня рождения одного философа. Его отделенная от тела голова – ее показывают впервые за несколько десятилетий – стоит под стеклянным колпаком рядом с бутылками будвайзера. Дальше в том же зале сидит в обычной стеклянной витрине его скелет – он одет в собственную одежду, костлявая рука в перчатке лежит на набалдашнике трости. Там, где полагалось быть голове, приделан восковой муляж: сохранение подлинника пошло не по плану. Студенты рядом уделяют ему не больше внимания, чем какому-нибудь предмету мебели.

В промежутках между ежегодными проверками, которые отмечают все новые стадии ветшания, голову Джереми Бентама обычно запирают в шкаф подальше от глаз. Душеприкащиком Бентама был доктор Саутвуд-Смит. Он же был прозектором, проводившим вскрытие. В попытке сохранить голову в нетронutom виде он поместил ее вместе с серной кислотой в герметичную емкость и откачал воздух, чтобы убрать из тканей жидкость. Кожа, однако, от этого приобрела стойкий пурпурный оттенок, и Смит в итоге сдался: позвал мастера по восковым фигурам и заказал у него копию, а подлинник убрал. Я уже видела эту голову за три года до наших вечерних поминок: я тогда работала над одной статьей, и мне ее показывал застенчивый ученый, которому был поручен уход за этими останками⁶. Мы вглядывались в мягкие светлые брови, в голубые стеклянные глаза, а высохшая кожа наполняла комнату ароматом вяленой говядины. Он рассказывал тогда, что при жизни Бентам имел привычку держать эти искусственные глазные яблоки в кармане и ради смеха вынимал их на вечеринках. Теперь, спустя уже 186 лет с момента его кончины, они взирают из кожистых глазниц на толпу людей, собравшихся обсудить отсталое отношение к смерти в нашем обществе.

Бентам был эксцентричным философом и за некоторые свои идеи попал бы сегодня в тюрьму или, по крайней мере, был бы с позором изгнан из университета. Однако во многих вопросах он был передовым человеком. Он отстаивал права животных, права женщин и даже права геев – во времена, когда гомосексуализм был вне закона. Он был одним из первых людей, завещавших свое тело науке. Ему хотелось, чтобы друзья провели его вскрытие публично, и сейчас здесь собрались люди того сорта, которые пришли бы на это посмотреть. Мы уже выслушали доктора Джона Тройера, директора Центра изучения смерти и общества Батского университета. Он рассказал, что вырос в похоронном бюро и в его семье смерть не считалась табу, – похоже, не только у меня дома смерть была повсюду. Затем специалист по паллиативной помощи, врач с хорошими манерами, призвал нас последовать примеру Бентама и говорить о своей кончине заранее, чтобы были удовлетворены наши самые безумные желания. Наконец, Поппи Мардалл, женщина около тридцати пяти и похоронный агент по профессии, рассказала нам, что первый труп, который ты видишь в своей жизни, не должен принадлежать дорогому тебе человеку. Она еще добавила, что хотела бы водить в свой морг дошкольников, чтобы показать им смерть до того, как они будут вынуждены с ней столкнуться. «Надо разделить шок от самого зрелища и горе утраты», – произнесла она, поблагодарила нас за внимание и села, отчего на столе звякнули пивные бутылки.

Я много думала о смерти, но мне никогда не приходило в голову, что можно целенаправленно отделить эти переживания друг от друга и тем самым защитить свое сердце. Интересно, какой бы я была сейчас, если бы в детстве Поппи показала мне то, что я тогда хотела увидеть?

---

⁶ Campbell H. This Guy Had Himself Dissected by His Friends and His Skeleton Put on Public Display // BuzzFeed. 2015. 8 июня. URL: buzzfeed.com/hayleycampbell/why-would-you-put-underpants-on-a-skeleton.

Мне всегда было любопытно посмотреть на мертвого человека, но было очевидно, что, когда это все же произойдет, я буду знать умершего. Трупы незнакомцев не так просто встретить – мне даже не показали погибшую подругу, да и после этого я много лет не видела покойных, хотя присутствовала на похоронах школьных друзей (рак, самоубийство) и всех дедушек и бабушек (они умерли по естественным причинам). Я думала, что невозможно избежать сложного «взрыва мозга» – совокупного психологического воздействия утраты близкого и столкновения с физической реальностью смерти.

Уже через пару недель после поминок по Бентаму я оказалась в залитой светом комнате похоронного бюро Поппи – старого кирпичного здания за воротами Ламбетского кладбища. Я сидела в плетеном кресле, на тарелке посередине стола лежали красочные пасхальные яйца, за широкими викторианскими окнами с наклейками маков снег оседал на обутих в сандалии ногах каменного Иисуса. Ламбетское кладбище впечатляет меньше, чем «великолепная семерка» больших лондонских кладбищ-садов – Кенсал-Грин, Западный Норвуд, Хайгейт, Эбни-парк, Бромптон, Нанхэд и Тауэр-Хэмлетс, – которые в девятнадцатом веке опоясали растущий мегаполис, чтобы разгрузить переполненные дворы приходских церквей. Здесь нет ни пышных мавзолеев, ни величественных променадов, ни колоссальных, размером с дом, надгробий – демонстрации богатства своих почивших жильцов. Оно небольшое, практичное, без претензий. Поппи такая же. С ней легко беседовать: может показаться, что она – психотерапевт или добрая мама. Ее выступление поразило меня и вызвало желание продолжить разговор. Похоронное дело явно было для нее не просто работой; а поскольку я никогда еще не видела трупа – не считая обезглавленного философа, – я решила с ее помощью исправить ситуацию. О таком одолжении мало кого можно попросить.

«Мы не открываем холодильные камеры, просто чтобы удовлетворить любопытство, – по-деловому отвечает она на мою просьбу. – Тут не музей, и я считаю, что “за кулисами” надо вести себя осторожно. Но если у вас найдется пара часов, можете к нам заглянуть и помочь подготовить умершего к погребению. Это будет настоящий контакт с трупом, а не просто возможность поглазеть на мертвецов». Я посмотрела на нее с изумлением. Мне вообще не приходило в голову, что она может на такое согласиться, не говоря уже о предложении поучаствовать в процессе. Разумеется, я пришла сюда именно потому, что она сама изъявила желание показывать свою работу, но все же некоторые двери были закрыты для меня так долго, что сложно было вообразить их открытыми. «Мы будем вам очень рады», – подчеркнула она, пока я молчала, потрясенно пытаясь осознать невозможное.

В Великобритании, в отличие от США, похоронным агентам не требуется лицензия для работы с трупами. Все сотрудники в бюро Поппи раньше не были связаны с этой отраслью. Сама она работала в аукционном доме «Сотбис», пока не начала уставать от бессмысленности своей профессии. Моргом – он расположен на том же кладбище недалеко от места, где мы сидим, – заведует Аарон, бывший работник канидрома⁷ для борзых в том же районе. Стюарт, водитель грузовичка для перевозки трупов, – пожарный, а сюда устроился на неполную ставку. По его словам, это как бы возвращение к тем, кого он не смог спасти. Поппи сказала, что я смогу пройти обучение, как и они когда-то. Словно я пришла сюда работать.

«А вы когда-нибудь видели труп до того, как занялись похоронным делом?» – интересуюсь я.

«Нет, не видела. Безумие, правда?»

Я пытаюсь понять, что привело ее из суматохи аукционов в похоронное бюро на кладбище, и мне в голову не приходят даже предположения. «Мне попадались люди, у которых были более внятные причины заниматься такими вещами, – смеется она, – но в моем случае

---

⁷ Канидром – комплекс для проведения собачьих бегов.

все было совсем не так». Судя по тому, как она об этом рассказывает, мотивация у нее прозрачная – несмотря на извилистый путь и на то, что поначалу она могла ее не осознавать.

Поппи пришла в мир аукционов – сначала в «Кристис», потом в «Сотбис» – благодаря любви к искусству и осталась там, потому что работа была веселая: адреналин, общение, никогда не знаешь, куда тебя занесет. «Мне как-то позвонил парень из сельского Техаса и сказал, что у него вроде бы есть скульптура Барбары Хепуорт⁸. На следующий день я уже сидела в самолете. Мне было двадцать пять, у меня была куча обязанностей, это было классно, классно, классно», – вспоминает она; и этот случай, по ее словам, нельзя назвать необычным. Вскоре, однако, у Поппи появилось ощущение какого-то вакуума смысла. Она родилась в семье социального работника и педагога, и родители привили ей потребность помогать нуждающимся. Работа в «Сотбис», пусть и захватывающая, не удовлетворяла эту внутреннюю тягу. «Да и в качестве источника заработка торговля картинами мне не очень подходила», – добавляет она.

В свободное время Поппи как «добрая самаритянка» трудилась на горячей линии в благотворительном фонде, занимавшемся психологической поддержкой тех, кто запутался и подумывал о самоубийстве. Постепенно нагрузка на основной работе становилась все больше, командировки – все дальше, и смены из-за этого приходилось пропускать или переносить. «Это меня очень огорчало. Года два я не могла разобраться в себе, своего рода кризис четверти жизни», – вспоминает Поппи. Она знала, что хочет общаться с обычными людьми, быть «на передовой бытия» и заниматься чем-то *значимым* – неважно, рождение это, любовь или смерть, – но никак не могла определиться, как и что ей надо делать. А потом жизнь начала принимать решения за нее.

Все наши близкие когда-нибудь умрут, но часто мы осознаем это, лишь когда происходит что-то плохое. Поппи тоже не задумывалась на эту тему до тех пор, пока обоим ее родителям быстро, одному за другим, не поставили диагноз «рак». «У нас в семье принято совершенно свободно обсуждать любые темы, – рассказывает она. – Когда мне было пять лет, мама натягивала презервативы на бананы. В таком возрасте я все равно еще ничего не понимала, но ей очень нравилось само нарушение запретов. И все же о смерти мы толком не говорили – у нас не было такой беседы, по крайней мере в том смысле, как я это понимаю. Когда заболел папа, мне было уже двадцать семь, и только тогда до меня дошло, что ему вообще суждено умереть».

Это откровение посетило ее в самый разгар кризиса, связанного со смыслом работы. Тему перестали игнорировать и обсудили. Когда выяснилось, что с родителями все будет благополучно, она отложила некоторую сумму, ушла из мира искусства и поехала отдохнуть в Гану, где заразилась брюшным тифом и сама чуть не отправилась на тот свет.

«Господи!» – Я не могу сдержать удивления.

«Это точно! Короче, я провалялась больной восемь месяцев, и у меня было время подумать. Если бы я тогда не заразилась тифом и не лежала без дела, я бы, наверное, выбрала бы что-нибудь побезопаснее. Это, – она обводит рукой похоронное бюро, – был, конечно, самый сумасшедший пункт в списке».

Идея заняться организацией похорон оказалась в этом списке не только потому, что это позволило бы Поппи воплотить желание быть причастной к большим жизненным событиям. Дело еще и в том, что мама четко сообщила, как надо и как не надо ее хоронить. Пока родители болели, Поппи рассматривала разные варианты и поняла, что отрасль прочно застряла в прошлом и в ней осталось совсем мало места для индивидуального подхода. Все эти отполированные черные катафалки, цилиндры, чопорные процессии не подходили ее семье, и ей захотелось сыграть свою роль в преображении мира смерти. Тогда она еще не могла сформулировать, что конкретно под этим подразумевается, но потом, почти выздоровев и отдохнув настолько, чтобы выходить из дома, она начала учиться у действующих специалистов и поняла, чего ей

---

⁸ Барбара Хепуорт (1903–1975) – известный скульптор-абстракционист.

не хватает. Стоя в морге и впервые увидев смерть во всей ее банальности – совсем не такой ужасающей, – она поймала себя на мысли, что злится. Ее заставили посмотреть в лицо идее смертности – неизбежной смерти близких, своей собственной, – а она даже не знала, на что это похоже.

«Мне было бы гораздо проще, если бы я до этого видела покойников», – говорит Поппи. У нее двое маленьких детей, и она сравнивает этот страх с беременностью. «Допустим, я на девятом месяце и вот-вот должна родить. Если бы я в глаза не видела младенцев, мне было бы гораздо страшнее. Как родить то, с чем никогда не сталкивался? О чем не имеешь ни малейшего представления?»

Я спрашиваю о тех трупах, которые мы себе все же представляем. При этом слове в памяти сразу появляется не бледное, похожее на спящего тело, а нечто разложившееся и вздувшееся. Такие трупы тоже бывают. Может быть, все-таки не стоит что-то показывать близким? «Мысль, что на мертвых нельзя смотреть, возникла из благих побуждений, это проявление заботы и участия. Но я считаю, что в наши дни такое восприятие уже патриархально, это снисходительная недооценка психологических возможностей человека, – возражает Поппи. – Потребность видеть умершего есть не у всех, однако кому-то это крайне важно».

Несколько лет назад в бюро пришел мужчина. У него утонул брат, и тело так долго было в воде, что никто не хотел его показывать, куда бы он ни обращался по поводу организации похорон. «Он сразу начал с вопроса: *“Вы мне разрешите увидеть брата?”* Это была проверка того, *на его мы стороне или нет*. Не нам решать, что человек может вынести, а что не может. Конечно, мы тут не для того, чтобы силой заставлять людей испытывать переломные впечатления, но наша задача – подготовить их, мягко снабдить информацией, необходимой для взвешенного решения. Мы не знаем этих людей, не знаем, какое решение будет для них правильным». Тот мужчина посмотрел на брата в последний раз.

Поппи говорит, что в морге будет очень красиво, когда я сюда вернусь. Он и должен быть такой: крайне важно хранить умерших в приятной обстановке, если хочешь пускать к ним живых. «Многие наши посетители недоумевают: *“Зачем вы устроили морг в таком вдохновляющем месте?”* А мне кажется, *в этом весь смысл*».

И я вернулась. Снег к тому времени давно растаял.

От морга я ожидала совсем других запахов. Я рисовала в воображении помещение без окон, скрип линолеума, вонь хлорки и гниения. Я представляла себе не ласковые лучи теплого весеннего солнышка, в которых сияет и переливается сталь и дерево, а резкий, мерцающий свет жужжащих флуоресцентных ламп. Я стою у двери в одноразовом фартуке из мнущегося искусственного материала, руки потеют в нитриловых перчатках. Розанна и Аарон в похожих зеленых толстовках из флиса и таких же, как у меня, фартуках готовятся к процедуре. Она выкатывает из угла тележку, он что-то аккуратно пишет в линованном черном журнале. У раковины – обычный пакет со сложенной одеждой. Скоро ее наденут в последний раз. Я неловко опираюсь на стеллаж с полированными деревянными гробами и стараюсь не мешаться под ногами. Пахнет сосной.

Сегодня в бюро тринадцать покойников – их имена написаны разным почерком на маленьких белых табличках, прикрепленных к тяжелым дверцам холодильной камеры. С переключателя на потолке свисают лампы. Они мягко светят, но день выдался такой солнечный,

что включили их, наверное, просто по привычке. Тут все или из металла, или из дерева. Шкаф у раковины приоткрыт: рядом с бамбуковыми подголовниками видна бутылочка Chanel № 5. Выстроились в ряд новенькие гробы. Они стоят вертикально и ловят свет, а их углы замотаны скотчем для защиты от ударов. По бокам их, как упоры для книг, ограничивают два плетеных гроба, и на полке сверху ждет своего часа «корзина Моисея» – переносная детская кроватка в синюю клетку. Как корзинка для пикника, только не в этом случае.

Когда-то здесь был не морг, а часовня. Под сводчатым окном со стеклами в свинцовой оправе, где сейчас жужжит непрерывным низким гулом белая стена холодильной камеры, мог располагаться алтарь. Потом тринадцать лет здание стояло заброшенным и ветшало посреди кладбища в южном Лондоне. Именно Поппи спасла его от медленного разрушения: она начала независимую деятельность и ей требовалось помещение для хранения трупов. Когда-то в этой часовне покойников оставляли на ночь перед похоронами. Благодаря Поппи все вернулось на круги своя.

Сегодня хозяйки нет на месте, и мной занимаются двое надежных сотрудников. У Поппи первая встреча с мертвыми уже за плечами, и теперь она предоставляет пережить это мне. Я смотрю вокруг и всюду чувствую ее руку: все здесь практично, скромно и гостеприимно. В углу стоит кухонная раковина и скамейка – для такого объема работы с трупами, который тут проводят, этого вполне достаточно. Я вспоминаю, как во время нашего зимнего разговора Поппи упомянула, что бальзамированием они не занимаются: «Мы хотим, чтобы наши услуги приносили пользу. Когда мы открывали бизнес, у меня совсем не было уверенности, что трупы бальмируют ради близких. По-моему, эта процедура существует просто потому, что так устроена похоронная отрасль». По ее словам, отдельное помещение и собственные холодильные камеры, как здесь, есть не во всех бюро, поэтому трупы держат в центральном хранилище и при необходимости возят туда-обратно. Если семья хочет увидеть покойного, его с большой долей вероятности придется для транспортировки на несколько часов – а иногда и на целые сутки – оставить без заморозки. В забальзамированном состоянии ткани довольно долго не разлагаются при комнатной температуре, что дает ритуальным агентствам больше времени и упрощает организационные вопросы. Если родные прямо попросят такую услугу, Поппи пойдет навстречу, но бальзамировать будут в другом месте. Шесть лет работы в этом бизнесе так и не убедили ее, что эта процедура так важна, как ее преподносят, но, как обычно, она готова прислушаться к новым аргументам.

С трупами, которые лежат здесь в холодильниках, уже сделали все необходимое. Закончились медицинские процедуры, проведено вскрытие, зашиты разрезы, взяты и учтены образцы. Умершие здесь снова становятся людьми, а не пациентами, жертвами, солдатами, ведущими войну с собственным организмом. Все кончено, и им остается только дожидаться, когда их омоют и оденут, а потом закопают в землю или сожгут.

Режиссер Дэвид Линч рассказывал в одном интервью, как побывал в морге – его пустил туда ночной сторож, с которым он познакомился в столовой во время учебы в академии искусств в Филадельфии⁹. Линч сидел на полу за закрытой дверью и думал о прошлом всех этих умерших людей: кто они, чем занимались, как попали сюда. Меня охватывает похожая волна переживаний. Поражает масштаб, большой и маленький. Все эти люди, эти библиотеки годами накопленного опыта в конце концов оказались здесь.

Дверь камеры щелкает и открывается. Поддон с трупом вставляют в тележку, которую гидравлический подъемник с громким металлическим шипением поднимает на высоту талии. Холодильник начинает жужжать еще громче – аппаратура пытается скорректировать скачок температуры. Аарон ставит тележку посередине помещения и смотрит на меня. Я стою, обло-

---

⁹ David Lynch: The Art Life / режиссер Дж. Нгуен, Duck Diver Films. 2016. DVD, Thunderbird Releasing.

котившись на гробы, и тереблю фартук. Отсюда мне видно лишь выбритую макушку на белой подушке. Покойного зовут Адам.

«Надо снять с него футболку, родные хотели ее оставить на память, – говорит Аарон. – Можете подойти подержать руки?»

Я делаю шаг вперед, беру покойного за холодные ладони и поднимаю его длинные тонкие руки так, чтобы футболка соскользнула с костистых плеч. Мой взгляд прикован к его лицу, к приоткрытым, впавшим глазам, застывшим как устрицы в раковине. Потом Аарон скажет, что глаза всегда лучше закрывать сразу же после поступления трупа. Чем дальше, тем суше становятся веки и тем будет сложнее что-то изменить и подправить. Глаза у трупа не круглые, как мраморные шарики, а сдувшиеся, как будто из них вытекла вся жизнь. Можно посмотреть мертвому в глаза и не найти ничего, даже знакомой формы.

В сложенных на груди руках Адам сжимает нарцисс и семейную фотографию в рамке – с ними его забрали из дома, где он умер в своей постели, с ними его положили в холодильник. Сейчас оба предмета вынимают и откладывают в сторону, чтобы они не мешали работать. Я упускаю этот момент. Позже я пойму, что это был единственный шанс увидеть этого мужчину таким, какой он был при жизни, но там, в морге, я была слишком поглощена его текущим состоянием. Жаль, что так получилось, но мне сложно себя винить. В конце концов, это был для меня первый труп, и вдобавок я держала его за руки.

Мне интересно, как выглядит смерть, и Адам выглядел мертвым. Естественно, без балъзамирования. Было заметно, что он пролежал в холодильной камере две с половиной недели, хотя с точки зрения разложения все складывалось наилучшим образом – промежуток между смертью и заморозкой был сведен к минимуму. Рот был приоткрыт. Глаза тоже. Сложно сказать, какого цвета они были при жизни и вообще увидела бы я какие-то из этих цветов месяц назад или нет. Тело было болезненно желтушным, но не этот оттенок был самым ярким. Когда футболка соскользнула с головы, передо мной предстали выступающие ребра, как будто подчеркнутые еще более выраженной желтизной, контрастирующей с лаймово-зеленым животом и более темной, почти до черноты, зеленью промежутков между резко очерченными костями. Обычно именно с живота начинают проявляться признаки разложения – для правильной работы он уже наполнен бактериями, – но я даже не подозревала, что смерть, вызывающая у нас самые черные эмоции, может быть такой яркой. Микробная жизнь, взяв верх над человеческой, едва ли не светится. Спина покойного была пурпурной из-за прилившей крови: сердце перестало прокачивать ее по организму, и она начала сворачиваться и темнеть там, где остановилась. Из-за хранения кожа Адама то тут, то там образовывала складки. Живой человек изменил бы неудобное положение, но после смерти движения замирают, а эластичность утрачивается, оставляя складку складкой, а вмятину вмятиной. Ноги сверху были желтовато-белого оттенка, а под коленями – слегка пурпурные. Мужчина не был стар – может, за сорок. Футболка, которую семья попросила оставить, была синей.

Сложно сказать, выпирали у него ребра при жизни, или тело, как и его осунувшееся лицо, стало так выглядеть уже потом. Судя по стройным, мускулистым ногам, он держал себя в форме. Может быть, занимался бегом. Обстоятельства смерти узнаешь нечасто – да это и не нужно, когда требуется просто одеть покойника, – однако, судя по фентаниловым пластырям на руках и липким следам в местах, откуда их сняли, он долго болел и нуждался в обезболивающих. Розанна осторожно оттирает с кожи остатки клея. «Мы стараемся по возможности их убирать, но так, чтобы ничего не повредить, – говорит она. – Иногда начинаешь снимать пластырь, а кожа отходит вместе с ним. Тогда лучше не трогать». По ее словам, желательно не оставлять никаких следов больницы и медицинских процедур. Зачем человеку в могиле компрессионные чулки или катетер в вене?

Содержимое пакета с одеждой вываливают на скамью у раковины. Кроссовки, помятые носки, серые трусы-боксеры. Вся одежда старая и неформальная, родные достали ее из кла-

довки. Неношенные здесь только кроссовки – они выглядят так, как будто их купили максимум неделю назад. Я переворачиваю их руками в перчатках. Интересно, когда Адам их приобрел? Видимо, в то время он еще неплохо себя чувствовал и был уверен, что новая обувь ему пригодится. Как там в анекдоте про старика, который перестал покупать зеленые бананы?

Аарон снимает с покойного нижнее белье, осторожно прикрывая простыней область паха. Из уважения он старается не обнажать тело. «Сейчас посмотрим, насколько там чисто. Если что-то не так, надо будет его подмыть». Мы переворачиваем труп на бок, Аарон оценивает ситуацию, и мы возвращаем все в исходное положение. Розанна берет свежие трусы с одной стороны, я с другой, и мы сантиметр за сантиметром натягиваем их на пожелтевшие ноги. Кожа такая холодная, что я невольно об этом говорю – и тут же чувствую себя глупо. «Через некоторое время привыкаешь, что они холодные, – подбадривает меня Аарон. – А потом едешь забирать из дома свежего, еще теплого покойника, и... ощущение довольно странное». По его взгляду я понимаю: тепло здесь нежелательный, пугающий признак жизни, и разница температур помогает психически разделять мертвых и живых. В холодильных камерах стабильно четыре градуса по Цельсию.

Мы перекатываем Адама на бок, подтягиваем трусы, опять кладем его на другой бок и повторяем процедуру. Ничего сложного здесь нет – просто одеваешь человека, который тебе не помогает. «Хорошо, что они не купили на похороны что-то новое и модное», – говорю я. «Да, – соглашается Розанна. – Наверное, это была его любимая одежда». Сложно удержаться от попытки представить себе личность человека по скудным намекам в сумке с одеждой.

Аарон просит меня приподнять голову трупа, чтобы натянуть свежую футболку. Я опираюсь локтями на тележку и обхватываю лицо, как будто собираюсь его поцеловать. «Если кто-нибудь завтра не вынет его из гроба, я буду последней в мире женщиной, которая его так держит, – мелькает мысль. – Как мы оказались в таком положении?»

«Придержите стопу под штаниной», – командует Аарон. Я крепко берусь за пальцы ног. Светло-синие джинсы над моим запястьем складываются гармошкой. Чтобы их натянуть, труп приходится двигать, перекачивать то так, то эдак. Вдруг Адам делает легкий выдох – это выходит скопившийся в легких воздух. Появляется запах слегка несвежей, холодной сырой курицы.

Это первый запах смерти, с которым я сегодня столкнулась, и я сразу его узнаю. Денис Джонсон писал о нем в рассказе *Triumph Over the Grave* («Триумф над могилой»). Там отмечалось, что этилмеркаптан – первое из многих соединений, возникающих в процессе распада организма, – обычно добавляют в бытовой газ, чтобы можно было учуять утечку¹⁰. Метод придумали еще в 1930-е годы. Рабочие в Калифорнии заметили, что над местами, где трубы пропускают газ, в термальных потоках кружат стервятники. Были проведены анализы, и оказалось, что любители падали слетаются именно на присутствующие в газе следовые количества этилмеркаптана. Газовые компании решили усилить случайный эффект и стали намеренно добавлять это вещество в количестве, которое может почувствовать человек. Идеальный факт для творчества Дениса Джонсона. Рассказы этого писателя кажутся мрачными и полными нигилизма, но он умел закончить их странно обнадеживающей ноткой. Он увидел жизнь в запахе смерти, надежду – в птицах, которых обычно представляют вестниками злого рока. Он заметил, что смерть и разложение – наши фундаментальные страхи – можно заставить спасать жизни. Я продеваю в джинсы ремень и застегиваю пряжку через недавно пробитое отверстие.

Мы подкатываем тележку с гробом, встаем вокруг, беремся за углы простыни из водонепроницаемого ситца – по закону такой материал требуется для негерметичных плетеных гробов – и перекладываем покойного внутрь. Его голова возвышается на подушке как будто в недоумении. Гроб точно подходит по длине. Адам пролежит в нем всего одну ночь. На завтра назначена кремация, и этот человек перестанет существовать.

---

¹⁰ Johnson D. *Triumph Over the Grave* // Johnson D. *The Largesse of the Sea Maiden*. London: Jonathan Cape, 2018. С. 121.

Аарон возвращает на место снимок и нарцисс. Желтый цветок опадает на чистую футболку, на этот раз белоснежную. Он уже не выглядит по-весеннему радостным. Мы кладем на стебель длинные пальцы. Теперь Адама, одетого и положенного в гроб, нужно отправить обратно в холодильную камеру, на подходящую по высоте полку. Там, в темноте, лежат на подушках другие головы. Рядом с ними – бусины четок, цветы, фотографии в рамках. Кто-то в вязаной растаманской шапке. Всех нас ждет один конец и один ритуал, каким бы он ни был, и в случае Адама я стала его участницей. Аарон пишет на двери имя, а я тихо стою с комом в горле. Мне еще никогда не выпадала такая честь.

Дэвид Войнарович, художник и борец со СПИДом, вспоминал в своих мемуарах *Close to the Knives* («Ближе к ножам»), что острее начал чувствовать жизнь, когда от этой эпидемии стало умирать все больше знакомых, а государство никак на это не реагировало. Перед ним предстала, как он выразился, грань смертности. «Смерть и умирание окружают все теплым свечением, иногда тусклым, иногда лучистым. Я вижу себя, видящего смерть»¹¹. Он чувствовал себя как бегун, который обогнал друзей, оказался вдруг один посреди деревьев и света и слышит где-то далеко позади их голоса.

Я еду домой в метро и ощущаю собственное дыхание. Я думаю о том, что где-то в холодильнике лежат люди, уже лишившиеся этой способности. Я осознаю механизм жизни: сделанная из плоти машина каким-то образом движется, а потом останавливается. Я смотрю на людей в вагоне и вижу смерть. Интересно, есть ли у них одежда, в которой им суждено умереть? Кто о них после этого позаботится? Многие ли из них слышат тиканье часов так громко, как я сейчас?

Я иду в спортзал, и на этот раз все не так, как раньше. Обычно я прихожу сюда успокоить мысли, но сегодня он меня буквально оглушает. Когда побывал среди мертвых, живые кажутся ужасно *громкими*. Я кручу педали велотренажера и слышу тяжелое дыхание, хрюкание, возгласы. Это звуки выживания, жизни, этого редкого и мимолетного состояния. Здесь все оживленнее, чем обычно, все чувства обострены. Работают голосовые связки, бьются сердца, равномерно и жизненно наполняются воздухом легкие. Незнакомцы излучают тепло: я физически это чувствую, и от него запотевают окна. Я чувствую, как кровь бурлит в моих жилах. «На велотренажере еще никто не умирал! – кричит тренер. – Работайте до предела!» У меня появляется мысль, что когда-нибудь все эти тела откажут и погрузятся в тишину, если не считать жужжания холодильной камеры.

Я лежу на спине в сауне. Полки здесь едва ли больше поддона, на котором разместили Адама. Я заставляю руку расслабиться, поднимаю ее другой и представляю, как кто-то стягивает с моего тела футболку. Но как бы я ни старалась, у меня не получается добиться «мертвого веса». Ощущения все равно другие. Рядом лежит и потеет еще одна живая женщина. Она рассказывает, что начала делать инъекции ботокса в стопу – это притупляет боль настолько, что можно весь день стоять на пятках. Когда мы успели забыть, что боль – это предупреждающий сигнал, призыв о помощи безголосых частей организма, просьба обратить на них внимание, исправить что-то? *Прекрасный способ избавиться от того, что может тебе навре-*

---

¹¹ Wojnarowicz D. *Close to the Knives*. Edinburgh: Canongate, 2017. С. 119. © David Wojnarowicz, 1991. Фрагменты книги *Close to the Knives: A Memoir of Disintegration* приведены с разрешения Canongate Books Ltd. (Великобритания) и Vintage/Penguin Random House LLC (США).

доть, – просто отключить уведомления. Я снова отпускаю обмякшую руку. Сегодня я впервые посмотрела на неприкрытую, неприукрашенную смерть, не выключив уведомления. Все было так, как должно быть. Появилось ощущение реальности и осмысленности, и если бы я в какой-то момент убрала звук, то мне не хватило бы чего-то невероятно важного. Я думаю об Адаме с увядшим нарциссом в руках и о том, что если съесть луковицу нарцисса, то она притупит нервную систему и парализует сердце.

Дар. Директор патологоанатомической службы

На металлическом столе в охлаждаемой комнате рядом с лабораторией лежит маленький женский труп. Его свежестриженная голова прикрыта полотенцем. «Я умею делать всего одну прическу», – признается Терри Ренье. Его собственные седые волосы аккуратно зачесаны назад, как у Элвиса. Баки и усы подходят по стилю – такие могли быть и дальнобойщика, и у порноактера. «Волосы все равно никто не изучает, к тому же я ужасно боюсь, что кто-нибудь узнает человека, пожертвовавшего тело. С короткой стрижкой они меньше похожи на себя». По радио играет Electric Light Orchestra, отражаясь эхом от холодной стали. Терри тянется назад за каким-то инструментом, нажимает на кнопку – и песня про женщину со сладким голо-сом обрывается.

После того как я одевала покойника в похоронном бюро, меня неделями преследовала мысль о том, что смерть – это ужасное расточительство. Организм годами рос, сам себя ремонтировал, копил знания о вирусах и болезнях, совершенствовал иммунитет, а потом все это просто закапывают или сжигают. Конечно, у человека должно быть право решать, что с ним сделают после кончины, однако головы на подушках, мелькнувшие за дверцей холодильной камеры, вызвали у меня ощущение, что за смертью могло бы следовать нечто большее, чем простое исчезновение. Я не считаю, что смысл и ценность жизни – или смерти – сводятся исключительно к целесообразности, однако такие соображения тоже уместны, и в них всегда – даже в эпоху трехмерной печати и виртуальных симуляций – есть потребность. Мне захотелось увидеть, что происходит с теми, кто пожертвовал свое тело науке, кто не отправился сразу в могилу или крематорий, а получил «вторую жизнь» в таких местах, как это – Клиника Мейо в Миннесоте. Мне было интересно и то, как море безымянных мертвых лиц влияет на работу тех, кто занимается этим делом. Начинаешь ли по-другому обращаться с трупом, когда тебе известно, как звали этого человека? И что вообще означает заботиться в такой ситуации? Рядом с демонстрационными трупами нет пакетов с намеками. Нет пакета и рядом с этой новоприбывшей.

Она подключена к аппарату для бальзамирования. По черной резиновой трубке, ведущей к накрытому другим полотенцем верхнему бедру, в сосудистую систему закачивают смесь спирта, глицерина для увлажнения, фенола для дезинфекции и консервирующего формалина. Из-за этой жидкости труп начинает весить на 30 % больше. Перед похоронами тело редко хранят дольше нескольких недель, однако в данном случае труп должен около года оставаться пригодным для работы, так что материалов здесь не жалеют. Сейчас женщина раздуется, а потом месяц за месяцем будет съеживаться, постепенно теряя влагу. Керамическая миска под головой наполняется кровью – ее выталкивает из вен бальзамирующий раствор. Она темно-красная, почти до черноты, с редкими сгустками. Запаха крови и трупа я не чувствую: комната пахнет сталью и формалином. Тот же химический запах окутывает школьную биологическую лабораторию, если вам приходилось снимать крышку с банки с головастиком. Лицо и тело женщины прикрыты, но руки видно. Кожа у нее бледная, как на морозе, и покрыта старческими пятнами. Она скончалась сегодня утром и еще не успела пожелтеть, посереть, позеленеть. При жизни ей удалили только желчный пузырь, поэтому труп в хорошем состоянии и пойдет в дело.

Я обхожу стол и натыкаюсь на медицинскую пилу для костей. Ногти на выглянувшей из-под покрывала руке покрыты ярко-оранжевым лаком, а безымянный палец сияет золотом. Раньше Терри снимал лак, но перестал это делать, когда услышал, что на эту тему говорит одна студентка. С ее точки зрения, крашенные ногти придают неодушевленной, мертвой плоти что-то человеческое, как будто напоминают, что этот человек жил и принес свое тело в дар ради обучения других. С тех пор Терри не прикасается к флакону с жидкостью для снятия лака. «Некоторым моим клиентам ногти красили внуки. Это я тоже не трогаю».

После бальзамирования Терри дает труп «отлежаться» два-три месяца, чтобы химикаты закрепили ткани, и только потом начинает использовать его на занятиях. Эта отсрочка вкупе с заморозкой убивает различные болезнетворные бактерии – дополнительная мера предосторожности, так как люди с подозрением на ВИЧ, гепатит, птичий грипп и другие инфекции по правилам не могут завещать тело. Наша дама с золотыми и оранжевыми ногтями пока не будет встречаться со студентами. Когда этот момент настанет, ее будут размораживать по частям в зависимости от потребностей. Если на занятиях изучают верхние дыхательные пути, разморозят только голову и шею, а все остальное будет обложено сухим льдом. Конечно и головы оттаивают сутки, туловище – около трех, зависит от размеров. «Мы стараемся сохранить все в исходном состоянии, но при этом достаточно оттаявшим для использования. В Миннесоте не жарко, знаете ли, так что смерзшиеся ткани тут ни к чему», – шутит Терри.

Он открывает огромную серебристую дверь справа – и передо мной предстает холодильная камера со множеством стеллажей в четыре полки высотой. Сверху стоит черный пластмассовый ящик для переноски туловищ, но сейчас он пуст. Есть пакет с жидкостью цвета куриного бульона, в которой плавают странные веретенообразные нити удаленной опухоли, что когда-то ползла по ветвям нервов. В ведре у моих ног – пара красного цвета легких. Камера рассчитана на двадцать восемь трупов, но сейчас их тут всего девятнадцать. Они лежат на серебристых подносах, обернутые, как мумии, белыми полотенцами – когда-то влажными, а теперь замерзшими. Ткань пропитана водой с добавками для увлажнения. Учитывая лабораторную вентиляцию и обилие химикатов в бальзамирующей жидкости, без них кожа меньше чем за неделю потеряла бы всю воду и задубела.

Трупы запечатывают в пластиковые мешки с идентификационными номерами на семигранных, как монета в пятьдесят пенсов, бирках. На шее – другая бирка с тем же номером. Под некоторыми телами скопилась пара сантиметров янтарного раствора – это вытекла из отверстий и мест инъекции бальзамирующая жидкость. Чем дольше тело используют для занятий, тем больше ее вытекает. В основном это вода, а тело человека не герметично. Я интересуюсь, насколько это грязная работа, и Терри смотрит на меня так, как будто хочет сказать: «Вы себе даже не представляете». Он показывает на сливные отверстия в полу и поясняет, что швов в покрытии нет неспроста.

«Когда идешь вечером домой, всем этим пахнешь».

Утром того дня я побывала на девятом этаже Стейбил-билдинг и вызвала переполох в офисе по работе с посетителями. Администратор по фамилии Дон предложила мне конфеты из миски на стойке и снова стала печатать уведомления, одновременно разговаривая по телефону между плечом и щекой. Спина ко мне у компьютера сидел Шон в голубом форменном халате. Терри нигде не было видно. Я наполнила карманы розовыми, зелеными и желтыми ирисками и огляделась. Горы бумаг, коробки для входящих и исходящих документов, компьютеры, растение в горшке. Больше в кабинете смотреть было не на что, и я уже собиралась прочитать шутку на обратной стороне обертки, как вдруг появился Терри в том же синем халате. В девять утра он уже два с половиной часа был на месте. Вручив Шону стопку бумаг, он сообщил мне, что утро выдалось загруженным: скончались два жертвователя, и одного из них только что привезли на парковку. Шон – высокий, худой, с пристальным взглядом и широкой

ободряющей улыбкой – встал и взялся за дело. Завещайте свое тело анатомическому отделению клиники Мейо – и вашим трупом займутся именно эти ребята.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.